

*аспирантка кафедры мировой
литературы и культуры
Херсонского государственного
университета*

ОБРАЗ ПРОРОКА - МЕССИИ В СБОРНИКЕ АНДРЕЯ БЕЛОГО

"ЗОЛОТО В ЛАЗУРИ"

статья первая

Предмет статьи – динамика религиозно-философских взглядов Андрея Белого, изучение духовной основы его поэтического мира через образ пророка-мессии, который выражен в нескольких ипостасях: в символическом образе Иисуса Христа, в образе пророка-поэта, который, "возносясь над землей", уподобляется Богу, а также в образе юродивого, идентифицирующего себя с "новым Христом". Рассмотрим особенности их художественного воплощения.

Образ Христа в мировой культуре рассматривается как высший идеал духовной красоты. Не составляет исключения и русская литература. В ней особенно ярко представлена традиция отождествления лирического субъекта с образом Иисуса Христа (В. Жуковский, В. Кюхельбекер, М. Лермонтов). Ее новый импульс зафиксирован в религиозно-поэтическом сознании модернизма (А. Блок, Ф. Соллогуб, К. Бальмонт, В. Маяковский) [7, с.30]. При этом литературоведы отмечают разницу между средневековой этикетной моделью "подражания Христу" (смирненное принятие страданий) и модернистской "уподобления Христу". В культурно-религиозном сознании модернизма с его разновекторным богоискательством отмечены такие модели уподобления Спасителю, как отождествление творчества поэта с Божественным трудом; уподобление лирического субъекта Богу-Сыну в его крестном пути и искупительной жертве [8, с.31]. Свой вклад в развитие и функционирование этой традиции вносит Андрей Белый. В его сборнике "Золото в лазури" уподобление Христа и лирического героя осуществляется по-разному: изначально он – пророк-мессия, а завершается образом юродивого, идентифицирующим себя с "новым Христом". Эти модификации отмечены рядом ученых (С.К. Маковский, Л.К. Долгополов, А. Пайман, Л.А. Колобаева, Н.И. Ильинская).

Для дальнейшего исследования проблемы, рассмотрим динамику религиозных взглядов поэта в период написания сборника "Золото в лазури" (1901-1904 гг.). Началом литературного пути поэт считает 1901 год. Характеризуя этот период, А. Белый отмечает ряд символов, важных для его становления, как-то: 1) Откровение Софии, 2) Духа Иоанновой, белой зари, 3) осознание, что "уже – заря", 4) ожидание Денницы [3, с.20]. Все эти символы, исповедуемые писателем как религиозные, являются основными мотивами его поэтического сборника "Золото в лазури".

В структуре религиозно-поэтического сознания Андрея Белого доминантным является учение о теургии. Поэт называет искусство будущего "религией жизни", наделяя художника, и, шире, – творческий процесс в целом, преобразующей силой, способной качественно изменить личность творца и мир вокруг него. Белый называет процесс улучшения жизни силами искусства "жизнетворчеством" и приравнивает это понятие христианскому догмату о преображении, спасении человека и мира во время второго пришествия Христа. Однако следует подчеркнуть: учение Белого о жизнетворчестве, вырастая из христианского учения о спасении, теряет ценностную вертикаль христианства. Жизнетворчество оказывается либо проявлением интереса художника к духовной сфере,

либо его способностью сказать "новое слово" в искусстве, либо желанием преобразовать свою жизнь в соответствии с собственным мировоззрением [2, с.65].

По отношению к христианству житетворчество означает создание новой "философско-литературной религии", которая мыслилась Белым учением о символизации жизни. Такой взгляд обусловил как новаторство художественного метода писателя, так и своеобразие его поэзии, которая является сложным сплавом философии, литературоведения, культурологии, что и делает ее столь многомерным объектом исследования.

Ключевым для поэта становится образ пророка – мессии. Он формируется прежде всего, в стихотворениях "Вечный зов", "Не тот", "Жертва вечерняя", "Безумец", "Возмездие", "Старинный друг", "Мания", "Солнце", "Вестники", "Покой", "Забота", "Священные дни", "На закате", "Возврат", "Один", "Кладбище", "Старец". Эти стихотворения, в которых мотив уподобления Христу является смыслообразующим, можно разделить на несколько групп.:

а) Первая группа стихотворений включает в себя мотивы воскрешения и преображения мира; уподобление лирического героя Спасителю в его искупительной жертве ("Старинный друг", "Старец", "Вестники", "Забота").

б) Во второй группе четко прослеживается мотив уподобления Солнца Христу ("Солнце", "За Солнцем", "Закаты", "Золотое руно").

в) Третья группа отождествляет творчество поэта с Божественным трудом, где поэт выступает и пророком, и прорицателем ("Блоку", "Священные дни").

г) Четвертая группа насыщена мотивами несостоявшегося чуда, богопотерянности, тщетного ожидания мессии, горечи духовного одиночества, трагического уподобления лирического героя Христу в его крестном пути ("На закате", "Возврат", "Один", "Кладбище").

д) В пятой группе концептуальным является образ лже-Христа, где лирический герой то осмеянный "Спаситель" с его напрасной "мольбой за всех", то безумец "с робким взором ребенка", возмнивший себя новым Христом, наивно пытающийся "разбудить" человечество. Уподобление лирического героя Спасителю в его крестном пути разрешается в образе юродивого, который сравнивает себя с "новым Христом" ("Возмездие", "Мания", "Жертва вечерняя", "Безумец", "Вечный зов", "Не тот").

Образ Иисуса Христа, олицетворяющий собой единственную возможность освобождения мира от тьмы и греха и приведения его, в конечном итоге, к спасению, появляется в стихотворениях "Старинный друг", "Старец", "Вестники", "Забота". Наиболее ярко образ Христа представлен в цикле стихотворений "Старинный друг", посвященном Э.К.Метнеру, в котором лирический герой переносится в духе через длинный ряд тысячелетий и "из мглы веков" видит свет общего воскресения. Этот цикл представляет собой пять формально самостоятельных стихотворений, объединенных тематикой – воскрешение лирического героя и старинного друга из мертвых, сквозными образами-символами, движением ассоциаций. Проанализируем каждое стихотворение.

Первое стихотворение цикла "Старинный друг, к тебе я возвращался..." композиционно распадается на две части. В первой части происходит встреча лирического героя, пришедшего в мир иной, с другом. "Надев одежды пышно-золотые", со словами "божественной молитвы", старинный друг вводит героя торжественно в "чертоги", где "вперив друг в друга очи голубые", они "у очага за чашами сидели" [4, с.579]. Встреча лирического героя со старинным другом представлена как диалог:

Ты говорил: "А если гном могильный
из мрака лет нас разлучить вернется?"

А я в ответ: "Суровый и бессильный,
уснул навеки. Больше не проснется"...[4, с.579].

Долгожданная встреча, передача душевного состояния героев наполнена христианской символикой: поэтоним "чертоги" символизирует Царство Небесное, чаша – символ причащения к таинству евхаристии. Песня божественной молитвы подчеркивает

встречу героев не на земле, а на небесах. В религиозно-поэтическом сознании Андрея Белого молитва является проводником на пути восхождения к высшим сферам бытия. Это этап восхождения к истине символизируется белым цветом одежд Богочеловека, указывающим на Его святость. В статье "Священные цвета" поэт отмечает, что в молитве происходит соединение вершин искусства с мистикой, что также является выражением теургии [2, с.53]. В стихотворении слова употребляются исключительно в их символическом значении.

Во второй части, которая начинается со стиха: "Вдруг видим – лошади в уборе жалком", происходят изменения сюжетной линии текста. Лошади, привезшие два железных гроба, а также крик воскресшего гнома: "Уйдите вы в свои могилы оба", вводят в текст образ последнего пути. В его семантическое поле попадают ритуальные образы характерные для похоронного обряда. Так, движение "побрели в гроба, сложивши руки" – напоминает о христианской традиции захоронения покойников: руки покойника скрещивают, а пальцы правой руки складывают как для крестного знамения. Колористические эпитеты – пунцовый свет, пунцовый жар, червонный щит, золотое знамя, одежды пышно-золотые – создают разноплановый ассоциативный ряд. Так, пунцовый свет, обрамляющий старинного друга, ассоциируется с божественным и царским достоинством героя; пунцовый жар, раздуваемый холодным ветром, употреблен в значении "опасный", "волнующий", как знак тревоги и предстоящей разлуки.

В колористике Андрея Белого доминируют "золотые" тона. Лексема "золотой" образует собственный словообразовательный ряд (золотой – золотистый, золотисто-огненный, пышно-золотой, озолоченные пещеры), а также включается в словарную дефиницию цветообозначения жёлтый и является самой употребительной колоремой в сборнике "Золото в лазури".

В этом стихотворении образ Христа не отображен непосредственно, но четко прослеживаются религиозно-евангельские мотивы встречи, смерти и воскресения. Во втором стихотворении цикла "Янтарный луч озолотил пещеры..." к ним добавляются мотивы веры и безверия. Уже в первой строфе звучит христианский мотив веры: "В моей душе так много детской веры". Это реминисценция евангельской истины, произнесенной Иисусом: "И сказал: истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в царство Небесное" (Мф. 18:3). То есть нужно поверить в чистоте сердца, подобно детям, в ожидании невозможного, в воскрешение и новую встречу, во Христа. Здесь же звучит надежда на преобразование мира, которая разрушается появлением образа кровавого карлика. Появление карлика как символа тьмы, воспринимается поэтическим сознанием читателя как борьба Христа с силами Антихриста. Сам же А. Белый в белом цвете видит символ воплощенной полноты бытия, а в черном — символ небытия и хаоса [2, с.201]. Следует отметить, что цикл стихотворений написан в 1903 году, когда понятие теургии активно врывается в творчество А. Белого. Примерно в это же время была написана статья "Священные цвета", в которой поэт отмечает, что полнота цветов, заключенных в свете, и есть Бог [2, с.22].

Стихотворение "Янтарный луч озолотил пещеры..." переполнено контрастами и символическими образами: суровый гном у входа, "весь в огненном, в бессильной злобе на тебя косится", ассоциируется с Люцифером, стоящим у ворот ада. Ему противопоставлен образ "купающихся" в бледно-бирюзовом эфире ласточек. В мировой культурной и религиозной традициях ласточки – символ надежды, весны, удачи, бледно-бирюзовый эфир – символ царства Небесного. В религиозно-поэтическом сознании Андрея Белого ласточки-касатки – символ обретения веры. Эпитеты "бирюзовое небо", "воздушно-голубая волна", "бледно-бирюзовый эфир" как символы неба принципиально неоднозначны и формируются на уровне читательского восприятия. Лирический герой, вспоминая "завет ненарушимый", "бесцельно ждет какого-то свиданья".

Третье стихотворение "Над гробом стоя, тосковал бездонно...." тесно связано с первым и вторым образностью, и мотивами, а также привнесенной к ним внетекстовой ситуации [4, с.580]. Стихотворение переполняют эмоции, переживания, сомнения в том, что

никогда не состоится новая встреча, ибо нет веры, нет Бога, а значит, нет и воскрешения. Лирического героя окружает лишь "провальная бездна", пещера и все тот же "могильный гном". В работе А. Белого "Символизм как миропонимание" содержится мысль поэта о том, что подлинной бездны нет, а есть только бунтующий хаос, который следует преодолеть. Путь к этому лежит через видение цвета, первого сияния, разрезающего мрак, которое окрашено желто-бурым зловещим налетом пыли [2, с.202].

Цветовая символика в этом стихотворении отсутствует, но эмоции безнадежности "безвинной жертвы" создают отглагольные деепричастия: "зарыдал, крича, ломая руки". Лирический герой, потеряв надежду обрести свободу, остается один на один со своими страданиями, "могильным гномом" и "провальной бездной". Во второй части стихотворения проносится "грустно-милое шептание": "Пройдут века, и ты восстанешь, мертвый // Старинный друг придет к тебе из гроба" [4, с.581]. Появившаяся надежда на грядущее воскресение преображает героя, его настроение меняется: "И я молчал, так радостно задетый, крылами черных, шелковых касаток" [4, с.581]. Мотив черной ласточки связан со смертью и закатом, птицы уже не являются вестниками грядущего воскресения [16, с.816].

Мистериальные мотивы умирания и воскрешения наиболее проникновенно и убедительно звучат в четвертом и пятом стихотворениях цикла "Старинный друг". Путь жизни, предначертанный Богом для каждого человека, включает в себя воскрешение и встречу с Ним на небесах. Иносказательно и символично подводит поэт читателя к встрече со Спасителем. Метафора "русла смерти иссякали" и эпитет "лазурные бессмертные потоки", омывающие железные гробницы, настраивают на грядущее воскресение из мертвых и лирического героя, и старинного друга, и людей, "лежащих в железных гробницах".

Ученые отмечают, что божественная природа образа Спасителя в поэтической христологии Андрея Белого отражена посредством колористической символики и цвета. Цветовая гамма довольно лаконичная – это белый и золотой. Белый цвет близок по семантике к золоту и выражает трансцендентность, Божественность, чистоту, непорочность и жертвенность [8, с.319]. Лицо Спасителя озарено счастьем: "Его лицо янтарно-восковое в лазурно-ясном счастье цепенело" [4, с.581]; Он в льняной одежде, обвитый "золотистой парчой". И как в Новом Завете, Христос – "первенец из умерших" (1 Кф. 15:20), так и у Андрея Белого. Он первый воскрес из мертвых, но не единственный: "И он сказал: "Летите с щебетаньем в страну гробов – весенние предтечи" [4, с.581]. Повержены силы ада: "кровавый гном" как символ ада и вечной бездны, затрепетал, распластался, заплакал слезно, вручив Христу "от смерти ключ железный" – символ вечной жизни и бессмертия.

Лирический герой делает ещё одно открытие: с приходом Христа и воскресением людей из мертвых, все вокруг преображается: "Перекрестясь, отправились мы оба / сквозь этот мир, на праздник воскресенья. / И восставали мертвые из гроба. / И раздавалось радостное пенье" [4, с.582]. Мотив преображения вводится поэтом для того, чтобы показать метаморфозу, происходящую с современным человеком, который в момент слома привычных основ бытия способен изнутри воспринять слово Божье, не услышанное людьми в момент пришествия Христа. "Я постигаю не иконописный Лик Христов, – писал Белый, – а Лик, встающий в середине своего собственного сердца" [10, с.126].

Таким образом, анализ религиозно-поэтического сознания поэта в цикле "Старинный друг" показывает, что духовные искания поэта сложны, противоречивы и не располагаются в парадигме канонического православия. Цикл наполнен религиозной мотивикой, символикой и образностью. Это обращение поэта к образу Иисуса Христа, к символическим знакам христианства: кресту, чаше, ключа как символа вечной жизни, а также христианским мотивам смерти и бессмертия, преображение и веры, к евангельским мотивам встречи и не встречи.

Литература:

1. Белый Андрей: Проблемы творчества: Статьи, воспоминания, публикации. Сборник. – М.: Советский писатель, 1988. – 832 с.
2. Белый А. Символизм как миропонимание / А. Белый. – М.: Республика, 1994. – 528 с. – (Мыслители XX в.)
3. Белый А. Начало века. М., 1990. – 570 с.
4. Белый А. Петербург: Роман. Стихотворения / Андрей Белый; [вст.ст. Вл. Ходасевича]. – М.: Эксмо, 2008. – 800 с. – (Библиотека Всемирной Литературы).
5. Блок А. О современном состоянии русского символизма / А.Блок // О литературе. – М.: Художественная литература, 1980. – С.204-214.
6. Иванов-Разумник. Вершины: о романе Андрея Белого "Петербург" [Электронный ресурс]. / Иванов-Разумник. Режим доступа: <http://imwerden.de/cat/modules.php?name=books&pa=showbook&pid=870>, свободный.
7. Ильинская Н.И. Между миром и Богом: духовные и художественные искания Юрия Кузнецова: Монография. – Херсон: Айлант, 2008. – 164 с.
8. Ильинская Н.И. Религиозно-поэтические искания в русской поэтической традиции рубежей XX века: специфика сознания, концептосфера, типология: Монография. – Херсон: Айлант, 2005. – 468 с.
9. Колобаева Л.А. Русский символизм. – М.: Изд-во Моск. Ун-та, 2000. – 296 с.
10. Лавров А.В. Андрей Белый в 1900-е годы. Жизнь и литературная деятельность. – М., 1995. – 336 с.
11. Лосская-Семон М.В. О религиозном призвании русской литературы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. Вып. 2. (№ 9). – СПб, 1993. – С.27-34.
12. Пайман А. История русского символизма / Авторизованный пер. Пер. С англ. В.В. Исаакович. – М.: Республика, 1998. – 495 с.
13. Маковский С.К. На Парнасе Серебряного века. – М: Изд-во "Наш дом"; Екатеринбург: издательство "У-Фактория", 2000. – 400 с.
14. Русские символисты: Константин Бальмонт. Валерий Брюсов. Андрей Белый. – Томск, 1996. – 423 с.
15. Шабловская И.В. История зарубежной литературы XX века (первая половина): учеб. пособие для студ.вузов / И.В. Шабловская. – Минск: Экономпресс, 1998. – 382 с.
16. Ханзен-Леве А. Русский символизм. Система поэтических мотивов. Мифопоэтический символизм. Космическая символика / пер. с нем. М.Ю. Некрасова. – СПб.: "Академический проект", 2003. – 816 с.
17. Хмельницкая Т.Ю. Литературное рождение Андрея Белого // Блоковский сборник VI. А. Блок и его окружение. – Тарту. 1985. – С. 66-84.

Анотація

Н. ЛИТОВЧЕНКО. ОБРАЗ ПРОРОКА – МЕСІЇ У ЗБІРЦІ АНДРІЯ БІЛОГО "ЗОЛОТО В ЛАЗУРИ"

У статті розглянуто динаміку релігійно-філософських поглядів Андрія Білого. Доведено, що духовні основи світу поета розкриваються через образ пророка-месії, художньо втілений у кількох іпостасях: у символічному образі Ісуса Христа, в образі пророка-поета, який прирівнюється до Бога, а також в образі юродивого, що ідентифікує себе з "новим Христом".

Ключові слова: образ Ісуса Христа, пророк-месія, юродивий, Лже-Христос, релігійні мотиви.

Аннотация

**Н. ЛИТОВЧЕНКО. ОБРАЗ ПРОРОКА - МЕССИИ В СБОРНИКЕ АНДРЕЯ БЕЛОГО
"ЗОЛОТО В ЛАЗУРИ"**

В статье рассматривается динамика религиозно-философских взглядов Андрея Белого. Доказывается, что духовные основы мира поэта раскрываются через образ пророка-мессии, который художественно воплощен в нескольких ипостасях: в символическом образе Иисуса Христа, в образе пророка-поэта, который уподобляется Богу, а также в образе юродивого, идентифицирующего себя с "новым Христом".

Ключевые слова: образ Иисуса Христа, пророк-мессия, юродивый, Лже-Христос, религиозные мотивы.

Annotation

**N. LYTOVCHENKO. THE IMAGE OF THE PROPHET - MESSIAH IN THE
COLLECTION OF ANDREI BELY "GOLD IN AZURE"**

The article deals with the dynamics of religious and philosophical views of Andrei Bely. We prove that the spiritual foundation of the poet's world is revealed through the image of the prophet-messiah, who is artistically embodied in several incarnations: a symbolic image of Jesus Christ, in the image of the prophet-poet who is equated with God, as well as in the image of a holy fool, identifying himself with "the new Christ".

Key words: Prophet-Messiah, God's fool, Jesus Christ, religious motives.